

УДК 821.161.1

ИДЕЯ ПРЕОБРАЖЕНИЯ В РАССКАЗЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

О.Ю. ЗОЛОТУХИНА

Сибирский государственный институт искусств имени
Дмитрия Хворостовского, 660049, Красноярск, Россий-
ская Федерация

АННОТАЦИЯ. В статье доказывается, что идея пре-
образования, духовно-нравственная доминанта русской
православной культуры, наиболее ярко отразилась в про-
изведениях русской литературы и является главной
в рассказе Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека».
Утверждается, что промыслительный сон, в котором смеш-
ной человек переживает посмертную судьбу самоубийцы
(могила – ад), а также столкновение с последствиями
собственной греховности (падение по его вине райской
планеты) приводит к тому, что герой душевно преобра-
жается, становится альтруистом и, стремясь подняться
до высоты Христа (аллюзия к распятию), обретает смысл
жизни в проповеди и деятельной любви. Подчёркивается,
что утверждению идеи преобразования способствуют при-
ёмы зеркальной композиции: 1. Сюжет о смешном чело-
веке, пришедшем в добрый мир и злом его развратившем,
зеркален по отношению к библейскому сюжету о Христе,
пришедшем в злой мир и добром мир спасавшем; 2. Сюжет
об альтруистическом мире другой Земли, впоследствии
падшем, зеркален по отношению к сюжету о смешном
человеке, эволюционирующем от эгоизма к альтруизму;
3. Сюжет о пребывании героя-эгоиста в альтруистическом
мире другой Земли зеркален по отношению к сюжету
о герое-альтруисте в эгоистическом мире нашей Земли.
Данные композиционные приёмы помогают понять, что
в рассказе «Сон смешного человека» Достоевский отразил
христианское понимание идеи преобразования человека
и мира: для преобразования мира на Земле и превращения
его в рай необходимо, чтобы все люди душевно преобра-
зились и возвысились до альтруизма (стали подобны
Христу); преобразование души человека может произойти
только после осознания им собственной греховности, ко-
торое должно привести к покаянию, смирению и деятель-
ному служению Богу. Утверждение идеи преобразования
в таком контексте доказывает, что Достоевский находился
в поле русской православной культуры и отразил её мен-
тальные особенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Достоевский, «Сон смешного че-
ловека», русская культура, идея преобразования, христиан-
ское миропонимание, Христос, альтруизм, эгоизм, рай, ад.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. Автор заявляет об отсут-
ствии конфликта интересов.

THE IDEA OF TRANSFORMATION IN F.M. DOSTOEVSKY'S STORY "THE DREAM OF A RIDICULOUS MAN"

O.YU. ZOLOTUHINA

Dmitry Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts,
Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

ABSTRACT. The article proves, that the idea of trans-
formation, the spiritual and moral dominant of Russian
Orthodox culture, is most vividly reflected in the works of
Russian literature and is the main one in the F.M. Dosto-
evsky's story "The dream of a ridiculous man". Approved
that the providential dream in which a ridiculous man ex-
periences the posthumous fate of a suicide (grave – hell),
as well as a collision with the consequences of his own sin-
fulness (the fall of the heavenly planet through his fault)
leads to the fact that the hero is mentally transformed,
becomes an altruist and, striving to rise to the height of
Christ (an allusion to the crucifixion), finds the meaning
of life in preaching and active love. It is emphasized that
the techniques of mirror composition contribute to the af-
firmation of the idea of transformation: 1. The plot about
a ridiculous man who came to the good world and cor-
rupted it by evil is mirrored in relation to the biblical plot
about Christ who came to the evil world and saved it with
goodness; 2. The plot about the altruistic world of another
Earth, which subsequently fell, is mirrored in relation to
the plot about a ridiculous man, evolving from egoism to al-
truism; 3. The plot about the stay of the egoist hero in the
altruistic world of another Earth is mirrored in relation to
the plot about the altruist hero in the egoistic world of our
Earth. These compositional techniques help to understand
that Dostoevsky reflected in this story the Christian un-
derstanding of the idea the man's and world's transforma-
tion: for the transformation of the world on Earth and its
transformation into paradise it is necessary that all people
be mentally transformed and elevated to altruism (become
like Christ); the transformation of the human soul can oc-
cur only after the man realizes his own sinfulness, which
should lead to repentance, humility and active service to
God. The statement of the idea of transformation in this
context proves that Dostoevsky was in the field of Russian
Orthodox culture and reflected its mental characteristics.

KEYWORDS: Dostoevsky, "The dream of a ridiculous
man", Russian culture, the idea of transformation, Chris-
tian worldview, Christ, altruism, egoism, paradise, hell.

CONFLICT OF INTERESTS. The author declares the ab-
sence of conflict of interests.

Идея преображения является концептуально значимой для понимания ментальных особенностей русской культуры. С точки зрения Д.В. Макарова, идея преображения является основной движущей силой русской культуры, выражает дух русского народа, «стоит в центре русской культуры, в ней пересекаются и объединяются “сюжет” и главная “тема” (в терминологии Д.С. Лихачёва) русской культуры и литературы» [12, с. 6]. Д.В. Макаров утверждает, что «определяющей традицией в формировании русской духовной культуры является христианство» [12, с. 6], а «концепт преображения лежит в самом центре христианского понимания смысла жизни» [12, с. 7], является христианским идеалом. В связи с этим идея преображения стала духовно-нравственной доминантой русской культуры. По мнению Д.В. Макарова, из всей русской культуры идея преображения наиболее явно проявилась в русской литературе, так как «именно литература в России взяла на себя роль синтезирующего духовного и цивилизирующего фактора. <...> Русская литература как органическая часть русской духовной культуры является художественным (образным) выражением духовных оснований русского мира» [12, с. 15]. Русский мир связан, прежде всего, с христианской ментальностью, в связи с этим идея преображения, занимающая ведущее место в христианской концепции человека, ярко отразилась именно в произведениях русской литературы, начиная от древнерусского периода и заканчивая современностью, хотя «проявляется она у каждого автора по-своему» [12, с. 19].

С нашей точки зрения, идея преображения, соответствующая именно христианскому миропониманию, утверждается практически во всем творчестве Ф.М. Достоевского, но наиболее концептуально – в его рассказе «Сон смешного человека». Данное произведение, опубликованное в апрельском выпуске «Дневника писателя» 1877 года, содержит в себе все основные темы творчества Ф.М. Достоевского, что было подчеркнуто некоторыми исследователями [1; 7; 9]. Все темы и идеи «Сна смешного человека» связаны с христианским мировоззрением писателя,

однако в самом рассказе, на первый взгляд, нет ярко выраженной религиозной проблематики и христианских образов. Это дало основание некоторым учёным [1; 17] сделать вывод о том, что данный рассказ, в отличие от других произведений Достоевского, не имеет отношения к христианству. Многие исследователи не согласились с этим и написали работы, посвящённые выявлению христианских смыслов рассказа [2; 3; 7; 8; 9; 10; 11; 13; 18]. Приняв во внимание их доводы, постараемся доказать, что утверждение идеи преображения человека и мира в рассказе «Сон смешного человека» происходит в аспекте христианского миропонимания и что, утверждая данную идею, Ф.М. Достоевский находился в поле русской православной культуры и отразил её ментальные особенности.

Идея преображения является главной в рассказе «Сон смешного человека». Уже в самом начале произведения писатель акцентирует, что с душой героя произошло преображение и случилось это через познание Истины. Важно подчеркнуть, что та Истина, которую познал герой, пишется в оригинальном тексте Ф.М. Достоевского именно с заглавной буквы, о чём подробно написала в своей работе Н.А. Тарасова [19]. Это даёт основание сделать вывод о том, что обрётённая героем Истина является связанной с Божественным миром, т.е. Истиной от Бога. Для самого же Ф.М. Достоевского воплощённой Истиной являлся Христос.

Утверждению идеи преображения души через познание Истины подчинено всё повествование. О том, что герой познал Истину, он заявляет в самом начале рассказа, и также в начале сразу же говорится о том, что с ним произошла трансформация, проявление которой можно увидеть в изменении его отношения к тем, кто его считает смешным: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если б я всё ещё не оставался для них таким же смешным, как и прежде. Но теперь я уже не сержусь, теперь они все мне милы <...> А прежде я тосковал очень оттого, что казался смешным. Не казался, а был» [5, с. 104]. Далее читатель узнаёт, что причина того, что герой

был смешон и не мог сойтись с людьми, была в его гордости. Именно гордость вызывала в его душе сильнейшую тоску и не позволяла самому себе признать, что он смешон. После того, как с героем произошла душевная трансформация, его перестала тяготить гордость и в его душе появилась любовь к людям: «Я бы сам смеялся с ними, – не то что над собой, а их любя, если б мне не было так грустно, на них глядя» [5, с. 104]. Грустит герой оттого, что люди не знают Истину, и у него появляется желание, вопреки их негативному отношению к нему, рассказать им об Истине, чтобы сделать их жизнь лучше, принести им добро. Таким образом, уже в самом начале произведения автор даёт понять, что душа героя прошла определенную трансформацию: он, избавившись от греха гордыни, стал альтруистом, начал по-христиански любить людей. Ничего не говорится о вере, о Христе, о Боге, но очевидно, что с душой героя произошло преображение, соответствующее именно христианскому пониманию смысла жизни, заключающемуся в том, чтобы человек смог исцелиться от гордости и научился любить ближних своих, как самого себя. О том, как и почему с героем произошло такое изменение, мы узнаем из дальнейшего повествования.

В самом начале истории, которую рассказывает о себе смешной человек, говорится о том, что он решил покончить жизнь самоубийством. Развитие темы самоубийства в произведениях Ф.М. Достоевского всегда связано с утверждением христианских идей, о чем подробно написано в работах [2; 9; 16]. В рассказе «Сон смешного человека» Достоевский также осмысляет проблему суицида в христианском контексте и без эксплицитного обращения к религиозной проблематике показывает, что смешной человек, в гордыни чувствующий отчуждение по отношению к миру и к людям, т.е. к миру Божьему и Его творениям, доходит до полного безразличия к жизни, выражающегося во фразе «всё равно»: «...в душе моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое было уже бесконечно выше всего меня: именно – это было постигшее меня убеждение в том, что на свете везде *всё равно* (здесь и далее в цитатах курсив автора – О.З.)» [5, с. 105]. Очевидно, что героем овладевает чувство уныния, в результате которого он утрачивает смысл жизни, веру в то, что жизнь есть Божий дар, и решает застрелиться.

Очень важным является то, что через сон главного героя показывается посмертная судьба самоубийцы. Как правило, люди, решаясь на столь отчаянный шаг, считают, что в посмертии не будет ничего вообще, а значит, с концом их существования закончатся и их муки. Именно этого ожидал и герой: «Я ждал совершенного небытия и с тем выстрелил себе в сердце» [5, с. 110]. Однако оказывается, «есть и за гробом жизнь» [5, с. 110]. Ф.М. Достоевский подчёркивает, что бытие героя продолжается: он чувствует и рассуждает, но не может шевелиться и говорить. Его закапывают в могилу, и в могиле он так же осознанно существует, чувствует сырость и холод. То, что долгое время, протяжённость которого герой уже не может осознавать, ничего не меняется, да и он сам ничего не ждёт, оставаясь пленником могилы, свидетельствует о том, что могила становится для героя адом – сырой холодной вечностью без Бога и без возможности покинуть это место и идти куда-то дальше. Капли воды, которые начинают капать на левый глаз смешного человека, вызывают боль в его сердце: «Глубокое негодование загорелось вдруг в сердце моем, и вдруг я почувствовал в нем физическую боль: “Это рана моя, – подумал я, – это выстрел, там пуля...”» [5, с. 110]. Сомнительно, однако, что мертвец может ощущать физическую боль. Сердце является символом души, и, вероятнее всего, от невыносимого могильного бытия начала нестерпимо болеть душа героя, вследствие чего он решил обратиться к силам свыше. Таким образом, Ф.М. Достоевский показывает, что посредством самоубийства можно убить тело, но не душу. Со смертью тела бытие души не заканчивается, однако душа человека, совершившего столь серьёзный грех, не только не избавляется от мук, но и начинает испытывать куда более сильные страдания. И если при жизни человек ещё может что-то исправить, то, отказавшись от жизни как дара Божьего, человек обрекает себя на существование без Бога, холод и могильный ад, и всё это будет длиться вечно, так как в духовном пространстве времени нет.

Далее неизвестное существо в ответ на обращение героя к высшим силам берет его из могилы и, пролетев огромное расстояние в космосе, приносит его на двойник Земли, где смешной человек попадает в рай – альтруистический мир чистых душ, живущих в любви друг к другу; мир, не знающий

грехов. Пожив некоторое время с безгрешными людьми в атмосфере абсолютной любви и испытав от этого счастье, герой вскоре становится причиной грехопадения чистой планеты, так как именно он, по его собственному признанию, невольно развратил безгрешных людей другой Земли. После этого и начинается преображение души героя.

Писатель принципиально подчёркивает, что герой не хотел грехопадения светлой планеты и что превращение другой Земли в грешную Землю было для него мучительно: «Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними» [5, с. 117]. Так как ад – это состояние души, то можно утверждать, что грехопадение другой Земли повергает героя в ад его душевных переживаний за планету, на которой из-за него появилось горе. Данный поворот сюжета является логичным в аспекте осмысления наказания героя за самоубийство. Ведь довольно странно было бы, если бы после такого греха, как самоубийство, герой попал бы в рай и счастливо в нем жил. Достоевский показывает, что на самом деле герой получает наказание, и его страдания становятся гораздо более сильными оттого, что он уже знает, каким должен быть рай, и что это он виноват в том, что рай превратился в ад. Именно поэтому он любит падших людей даже больше, чем любил до этого. Ведь он знает, что такое горе, а теперь горе приходится переживать и им.

Ф.М. Достоевский не обозначает причин, по которым произошло разращение героем чистых людей. Подчёркивается только то, что герой этого не хотел и не ожидал. Общение смешного человека с людьми другой Земли до их грехопадения было проникнуто любовью, акцентируется благотворное влияние безгрешных людей на героя. Однако при всей любви и хороших отношениях, установившихся между смешным человеком и безгрешными людьми, Писатель акцентирует, что они не понимали друг друга. Концепт «непонимание» является в описании их взаимоотношений доминирующим: «О, я тотчас же понял, даже тогда, что во многом не пойму их вовсе» [5, с. 113]; «О, эти люди и не добивались, чтоб я понимал их, они любили меня и без того, но зато я знал, что и они никогда не поймут меня, а потому почти и не говорил им о нашей земле» [5, с. 113].

То, что герой почти ничего не рассказывал о своей Земле, является доказательством того, что

безгрешные люди не могли соблазниться моделью жизни чужой планеты, чтобы впоследствии воспроизвести её на своей. Значит, причина грехопадения заключалась в другом. Сердце героя, которое отзывалось на песни безгрешных людей без их рационального понимания, свидетельствует о том, что его душа на безгрешной планете ожила и начала чувствовать мир иначе, он стал душой уподобляться безгрешным людям: «...моё сердце становилось столь же невинным и правдивым, как и их сердца» [5, с. 114]. Однако очевидно, что эгоизм все-таки оставался в смешном человеке, а непонимание им безгрешных людей являлось свидетельством того, что он так и остался чужим для их мира. Несмотря на всё благотворное влияние чистых людей на героя, преображение его души от общения с ними все-таки не произошло. Их альтруистический мир представлял единый организм, где все были связаны искренней любовью. Смешной человек оказался чужеродной клеткой в этом мире, содержащей в себе не только светлую, но и тёмную информацию. Из этой чужеродной клетки развился очаг болезни, который в итоге привёл к разрушительной трансформации всего организма. Не случайно герой уподобляет себя трихине и атому чумы: «Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю» [5, с. 115–116].

Таким образом, Ф.М. Достоевский показывает, насколько сложным является в земном мире взаимодействие добра и зла и что зло настолько сильно, что достаточно даже атома зла, чтобы сделать темной целую светлую планету. Можно предположить, что люди безгрешной Земли так легко сумели заразиться злом, потому что не имели духовного иммунитета. Если другая Земля действительно была изначально безгрешной, то её люди не могли отторгнуть зло, потому что внутренне ещё не победили его, просто его не зная. В таком случае здесь раскрывается очень важный философский аспект взаимодействия добра и зла: чтобы выбрать добро, нужно, познав зло, это зло отвергнуть, возвыситься над соблазном, благодаря определенному духовному усилию. Это объясняет обилие зла на Земле и допущение его Богом по людским грехам – чтобы одержать духовную победу над злом, люди должны выбрать добро, но для этого надо познать и то и дру-

гое и преодолеть зло внутри себя. Источником зла в человеке является эгоизм, заставляющий человека любить самого себя больше других, что приводит его к разладу с другими людьми и отдаляет от Бога. Именно рост эгоизма, как показывает Ф.М. Достоевский, и стал причиной грехопадения чистой планеты, так как «каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить её в других, и в том жизнь свою полагал» [5, с. 116].

Очень важно, что после грехопадения планеты герой начинает винить себя и сострадать падшим людям, и в этом сострадании он постепенно избавляется от эгоизма и переходит к альтруистической любви: «Я видел их сам, их познал и убедился, я любил их, я страдал за них потом» [5, с. 113]. Важно подчеркнуть, что он именно сам обвиняет себя во всем, ведь падшие люди его как раз ни в чем не обвиняют и даже разубеждают относительно его виновности: «Они оправдывали меня, они говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что всё то, что есть теперь, не могло не быть» [5, с. 117]. И самым важным является то, что страдания героя происходят вследствие понимания, что падение чистой планеты произошло из-за того зла, которое было в нем, в его душе. На своей грешной Земле смешной человек не замечал в себе зла и видел зло лишь в других, в гордыни отвергая столь несовершенный мир. Познавание чистого мира без зла и осознание того, что именно он принёс зло на другую Землю, дало ему осознать свою греховность в полной мере, в чем, очевидно, и заключалась промыслительная цель прибытия смешного человека на чистую планету. Таким образом, именно со столкновения с результатами собственного зла и с осознания своей греховной сути и начинается преображение души героя и превращение его из эгоиста в альтруиста. Кульминацией этого превращения становится желание героя быть распятым на кресте: «Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест. Я не мог, не в силах был убить себя сам, но я хотел принять от них муки, я жаждал мук, жаждал, чтоб в этих муках пролита была моя кровь до капли» [5, с. 117]. Данная фраза содержит аллюзию ко Христу и конкретно к Его распятию. Эта аллюзия крайне важна и имеет, на наш взгляд, несколько смысловых значений.

Во-первых, данная аллюзия является свидетельством того, что сюжет о смешном человеке, который пришёл в добрый мир, принёс зло и злом безгрешный мир развратил, является зеркальным по отношению к библейскому сюжету о Христе, который пришёл в злой мир, принёс добро, добром грешный мир спасал и посредством совершения высшего добра (жертвы во имя любви) указал людям, имеющим свободу в выборе добра и зла, путь к спасению. Из этого следует, что в рассказе «Сон смешного человека» можно увидеть трансформацию сюжета о Христе. Таким образом, Ф.М. Достоевский показывает, что злу внедриться в человеческую душу намного проще, чем добру, ибо природа человека такова, что он очень легко поддаётся эгоистическим соблазнам. Путь добра, связанный с альтруизмом, отдачей, жертвенной любовью, для человека намного более сложен, ведь падать проще, чем подниматься, поэтому даже пример Божьего Сына не был принят многими людьми как путь к спасению. Однако сам Христос завещал не искать лёгких путей: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [Мф. 7: 13–14].

Во-вторых, аллюзия к распятию Христа из уст смешного человека на другой Земле явно свидетельствует о том, что падшие люди развращённой им планеты ничего не знают о подвиге Христа. Они даже не знают, как сделать крест, и смешной человек учит их этому. Незнание падшими людьми другой Земли подвига Христа можно понять в двух аспектах: 1. Это незнание пути Христа и подвига Его жертвенной любви на другой для них планете (Земле смешного человека). Эти знания могли бы быть ими восприняты как опыт, но смешной человек, очевидно, не делится с ними этим опытом, вероятно потому, что сам не очень понимает значение подвига Христа (иначе бы он был верующим человеком и не пытался бы покончить жизнь самоубийством). 2. Это незнание ими подвига Христа вследствие того, что Сын Божий не приходил на их планету и не умирал за них, не проложил им путь к Богу. Второй аспект здесь является наиболее важным и подчёркивает уникальность планеты Земля в космическом пространстве: Бог отправил на неё Сво-

его Сына, чтобы Он воплотился на ней в человеческом обличье и указал землянам путь на небо, путь в бессмертие. В контексте такого понимания подвиг Христа относительно нашей планеты Земля осмысливается в космическом масштабе.

В-третьих, аллюзия к распятию Христа свидетельствует о желании смешного человека подняться до уровня Христа. Некоторые исследователи находят здесь связь смешного человека с антихристом. Так, с точки зрения В.Н. Катасонова, герой является пародией на Христа, т. е. криптоантихристом [8, с. 213]. С точки зрения И.С. Ревякова, смешной человек становится для безгрешной планеты «подобием дьявола <...> но становится, как известно, с одной целью: чтобы стать обновлённым человеком» [15, с. 225].

Очевидно, что в аспекте трансформации в рассказе «Сон смешного человека» сюжета о Христе смешной человек действительно стал для другой Земли своеобразным антихристом, т. е. противоположным Христу. Но его абсолютно нельзя уравнивать с предсказанным антихристом из Откровения Иоанна Богослова, который осознанно служит сатане. Смешной человек любил жителей безгрешной Земли и принёс им зло невольно. Важно отметить и то, что, когда смешной человек просит падших людей распять его, он уже не одержим сатанинской гордыней, как утверждает В.Н. Катасонов [8, с. 213], а искренне любит их и страдает за них. С точки зрения Н.Ф. Будановой, смешной человек желает *«искупить свой собственный грех, а вовсе не грехи человечества»* [2, с. 86].

Однако очевидно, что смешной человек, в отличие от падших жителей другой Земли, обладает уникальным знанием о подвиге Христа и чувствует, что только этот подвиг может их спасти. О том, что героем движет любовь к падшим людям другой Земли и жажда искупления, свидетельствует его желание претерпеть мучения за них, кровью смыть свою вину. Вероятно, герой начинает осознавать, что для возвращения планеты в райское состояние нужно, чтобы все стали, как Христы (сам Ф.М. Достоевский считал, что если каждый человек станет подобен по душевным качествам Христу, то на Земле тотчас наступит рай. См. об этом [3, с. 18]), а значит, нужно показать людям путь Христа. Но Христа нет, Он не приходил на эту планету, и тогда герой во имя любви к жителям падшей планеты решает показать

им этот путь – проявить высшую форму альтруистической любви, выраженную в словах Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [Ин. 15:13]. Это свидетельствует о том, что в переживаниях за людей, которые стали грешными из-за него, смешной человек приближается к пониманию подвига Христа, а значит, и к вере в Бога. И происходит это, прежде всего, по причине осознания героем его собственной греховности и её последствий.

В-четвертых, аллюзия к распятию Христа и утверждение героя о том, что он не в силах убить себя сам, свидетельствуют об изживании смешным человеком греха самоубийства. Его желание смерти теперь идёт не из эгоистических побуждений, вследствие которых он в гордыни отвергал Божий мир, а из желания искупить свой грех и пострадать за людей, которые по его вине стали падшими, т.е. эволюционирует из эгоистического в альтруистическое.

Финал сна смешного человека демонстрирует читателю то самое преображение души героя, о котором говорилось в начале произведения: он избавился от греха эгоизма, гордыни и стал альтруистом, способным на бескорыстную жертву собственной жизнью во имя тех, кого он любит. Преображение героя произошло вследствие его столкновения с результатами собственного зла – грехопадением чистой, светлой планеты. Таким образом, мы можем увидеть, что сюжет, повествующий об идеальном мире человечества другой Земли и его деградации, в идейном плане является зеркальным по отношению к сюжету о смешном человеке, в грехе гордыни пожелавшем покончить жизнь самоубийством, и его духовной эволюции, связанной с раскаянием, жадой искупления и душевным преобразованием. Всем этим Ф.М. Достоевский через сон героя словно бы показывает нам, что необходимо было погрузить во зло целую планету, чтобы спасти душу всего лишь одного человека.

Выше нами отмечалось, что падение светлой планеты вследствие греховной природы смешного человека явилось для героя адом, своеобразным наказанием от Бога за грех самоубийства. Однако в итоге именно этот ад и способствовал его преобразению. Следовательно, можно сделать вывод о том, что в контексте сна героя отправление его на безгрешную планету и её последующее грехопадение было запланировано Богом, т. е. входило

в состав Божьего Промысла, и существо, которое несло героя в космосе, действовало по Божьей воле. Некоторые исследователи находят inferнальную природу у этого существа. Так, по мнению В.Н. Катасонова, проводник смешного человека является «тёмным Вергилием», «тёмным ангелом» [8, с. 195]. С нашей точки зрения, существо, которое забрало героя из могилы и принесло на двойник Земли, было посланцем от Бога и знало о Божьем плане относительно героя и светлой планеты, о чем свидетельствует печаль этого существа, отсутствие презрения по отношению к герою и имеющаяся промыслительная цель данного путешествия: «Он не ответил на вопрос мой, но я вдруг почувствовал, что меня не презирают, и надо мной не смеются, и даже не сожалеют меня, и что путь наш имеет цель, неизвестную и таинственную и касающуюся одного меня» [5, с. 111]. Промысл Божий распространяется и за пределы сна героя: осознание Истины, которое он получил во сне, способствовало пробуждению его к новой жизни, т.е. опять же его личному спасению. Здесь необходимо согласиться с О.И. Сыромятниковым, утверждающим, что «путь ко спасению каждого человека индивидуален, хотя в силу единства человеческой природы и единства законов Божьего мира он не может быть принципиально разным у разных людей. Это значит, что путь Смешного человека к спасению мог быть только таким и никаким другим. И встреча с девочкой, и сон, и полет во сне, и “новые” солнце и земля, и новые люди этой земли – всё это было создано Промыслом исключительно для спасения его одного. Благодаря сну Смешной человек *узнал* и *увидел* (то есть получил *полное* знание, не требующее дополнительных доказательств), что *Бог, бессмертие* и *любовь* действительно существуют» [18, с. 430–431].

С мыслью о том, что путь к спасению каждого человека индивидуален, а значит, и Божий Промысл относительно каждого уникален, связана ещё одна идея рассказа, имеющая отношение к идее преображения души, – идея о том, что каждый человек есть отдельный мир, и без самого человека мира, возможно, и нет: «...может быть, и действительно ни для кого ничего не будет после меня, и весь мир, только лишь угаснет моё сознание, угаснет тотчас как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания, и упразднится, ибо, может быть,

весь этот мир и все эти люди – я-то сам один и есть» [5, с. 108]. В таком случае мир для каждого человека сводится, по сути, к тому, что всё происходит между Богом (Творцом, Источником жизни) и этим человеком, т.е. окружающий мир, другие люди, обстоятельства, столкновение со светлыми и темными силами – всё это является отражением Божественного Промысла относительно каждого отдельного человека и даётся ему именно так, как это необходимо конкретно для его духовной эволюции.

В контексте такого понимания грехопадение целой светлой планеты для спасения одного человека уже не выглядит чем-то чрезмерным, так как это происходит только конкретно в мире этого человека и является частью именно ему необходимой программы спасения. Жизнь каждого отдельного человека в таком случае становится в чем-то подобной его индивидуальному сну: «А наша-то жизнь не сон?» [5, с. 118]. Душа человека в таком понимании является своеобразной ареной борьбы добра и зла, как писал об этом сам Достоевский: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» [4, с. 100]. При этом очевидно, что и светлые, и тёмные силы работают на Бога и помогают Ему во взаимодействии с каждым отдельным человеком и свободой воли последнего привести человека к истинному пониманию жизни и способствовать его духовной эволюции. Таким образом, всё зло, с которым человек сталкивается во внешнем мире, допускается Богом для преодоления человеком зла в собственной душе и его преображения.

Очевидно, что после увиденного во сне герой действительно преображается и, можно даже сказать, воскресает к новой жизни. Когда в финале сна падшие люди угрожают герою отправить его в сумасшедший дом, он чувствует очень сильную скорбь в душе, которая и приводит к его пробуждению: «Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силой, что сердце моё стеснилось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся» [5, с. 117]. В символическом плане пробуждение героя ото сна можно истолковать и как пробуждение его к новой жизни, воскресение его души в новом качестве. Ведь он просыпается после того, как чувствует, что вот-вот умрёт, потрясённый пережитым страданием от последствий собственной греховности. Здесь можно увидеть реализацию притчи Христа о зерне:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» [Ин. 12:24]. Герой во сне жаждет умереть за других людей из любви к ним, и он действительно словно бы умирает в конце своего сна и пробуждается в реальности уже совершенно в другом качестве. Он воскресает для другой альтруистической жизни, в основе которой должна быть проповедь Истины. Он больше не хочет покончить с собой, теперь у него появляется смысл жизни – он идёт к людям проповедовать из любви к ним, не боится, что смешон, и любит смеющихся над ним более других.

Важно отметить, что изменилась причина, по которой люди смеются над героем. Раньше это происходило из-за того, что он не мог сойтись с людьми вследствие своей гордыни, теперь же они начали смеяться над ним из-за неприятия его идей: «Потому что я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются» [5, с. 118]. Здесь мы снова видим концепт «непонимание», который был доминирующим в описании взаимоотношений героя с безгрешными людьми альтруистического мира, но только сейчас уже самого героя не понимают грешные люди его Земли.

Очевидно, что сюжет о пребывании героя-эгоиста в альтруистическом мире другой Земли является зеркальным по отношению к заключительному сюжету о герое-альтруисте в эгоистическом мире нашей Земли. И вновь следует подчеркнуть, что, если на другой Земле хватило атома зла, чтобы её развратить, то на грешной Земле альтруистическая проповедь героя вызывает во многих людях смех и отторжение. Происходит это по причине нежелания людей отказаться от своего эгоизма, гордыни: «А они так гордятся» [5, с. 118]. Они пытаются убедить героя, что всё, что он видел, было бредом и галлюцинацией, и что такого не может быть на Земле, и делают это лишь потому, что не хотят альтруистического мира так же, как не хотели его возвращения падшие люди другой Земли. Так герой вновь становится чужеродной клеткой в целом организме, только на безгрешной Земле он был тёмной клеткой среди светлых и вызвал их зараже-

ние тьмой; на своей грешной Земле он становится светлой клеткой, и тёмный организм пытается нивелировать его как опасный для него элемент.

Христос знал, что мир устроен именно так и что поэтому Он, как воплощение самого яркого Божественного света, был обречён на гибель, так как был не от мира сего. О подобной участи Христос предупреждал и своих учеников, которые должны были продолжать Его дело: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, поэтому ненавидит вас мир» [Ин. 15: 18–19]. Ф.М. Достоевский ничего не говорит о ненависти людей к смешному человеку, ограничиваясь лишь тем, что они смеялись над ним, но явно, что этот смех недобрый, и, возможно, в скорой перспективе смешного человека может ожидать прозвище юродивого и сумасшедший дом, в который его хотели поместить падшие люди другой Земли. Здесь стоит отметить, что такое неприятие происходит именно в эгоистическом мире по отношению к альтруисту – в альтруистическом мире по отношению к эгоисту, как было показано во сне смешного человека, никакого неприятия не было, чужеродность героя не мешала безгрешным людям любить его.

Однако смешной человек, вопреки насмешкам, продолжает проповедовать, и проповедует он формулу альтруизма, восходящую к заповеди Христа «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф. 22:39]: «Главное – люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдёшь как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!» [5, с. 119].

Некоторые исследователи отмечают, что сам герой не уверен в том, что он проповедует, и поэтому «чувствует, что не справится со своей задачей» [6, с. 118], подчёркивают отсутствие в мировидении героя «образа Христа» [17, с. 264], вследствие чего он признает, что рай на Земле невозможен. На наш взгляд, признание героем невозможности рая на Земле не связано с его неуверенностью в том, что он проповедует, или с отсутствием в его мировидении Христа. Он вполне уверен в Истине, которую познал. Он действительно понимает, что рай на Земле не появится вследствие его проповеди,

но все-таки идёт проповедовать: «Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), – ну, а я все-таки буду проповедовать» [5, с. 118–119]. Признание героем невозможности рая на Земле как раз связано с присутствием в его мировидении Христа: ведь если Божьему Сыну не удалось проповедью и чудесами превратить грешный земной мир в альтруистический, то обычному человеку, пусть и преобразённому, это тем более невозможно.

Здесь очень важно отметить, что даже после жертвы Христа эгоистический мир не стал альтруистическим лишь вследствие того, что свобода выбора между злом и добром всегда есть у каждого человека. В связи с этим крайне важным становится преобразование всякого, живущего на Земле, и только при условии, что альтруистом станет каждый человек и на планете не останется даже атома зла, возможно установление на ней рая. Из рассказа Ф.М. Достоевского следует, что если это условие не будет выполнено, то получится так, как получилось у смешного человека на светлой планете: он, один имеющий грешную душу, развратил чистых, безгрешных людей. Именно это и понимает смешной человек, говоря о необходимости преобразования для всех, но каждый должен этого действительно захотеть: «Если только все захотят, то сейчас всё и устроится» [5, с. 119].

То, что смешной человек, понимая, что рая на Земле не будет, продолжает его проповедовать, свидетельствует о том, что он идёт по пути Христа и несёт людям Божью Истину. Причём, делает он это не из корыстных побуждений, а из любви к людям, а значит, он работает не ради себя, а ради Бога. Очень важным является намерение героя способствовать преобразению земного мира, т.е. созданию рая на Земле. Даже если этот рай невозможен, само намерение смешного человека свидетельствует о чистоте его помыслов и высокой цели, а «Бог ценит дела по намерениям их» (Марк Подвижник) [14] и всегда даст человеку «по его сердцу» [Пс. 19:5]. То, что после проповеди героя мир не станет раем и большинство так и будет смеяться над ним, ещё не означает, что надо прекращать проповедовать. Ведь важен выбор каждого, и кто-то из людей наверняка услышит смешного человека, поймёт его и тоже пойдёт по пути пре-

ображения, превратившись из эгоиста в альтруиста, а значит, одной светлой клеткой в организме тьмы станет больше. Очевидно, что проповедь героя, а также его добрые дела: «А ту маленькую девочку я отыскал...» [5, с. 119] – свидетельствуют о том, что он служит Богу деятельной любовью, ибо «вера без дел мертва» [Иак. 2:20]. Рассказ заканчивается двумя повторяющимися глаголами: «И пойду! И пойду!» [5, с. 119], что подчёркивает намерение смешного человека действовать во имя распространения Истины, которую он познал, и акцентирует, насколько он воодушевлён своим проповедническим служением и что это служение наполняет его жизнь высоким смыслом.

Таким образом, рассказ «Сон смешного человека» является философской притчей, заключающей в себе христианское миропонимание жизни человека и человечества на планете Земля. В аспекте христианского миропонимания утверждается и главная идея рассказа – идея преобразования души. Автор подчёркивает, что для душевного преобразования героя нужно было пережить промыслительный (данный от Бога) сон, в котором он познал рай (мир альтруизма на светлом двойнике Земли) и невольно, вследствие своей греховной природы, стал причиной его грехопадения (превращение другой Земли в мир эгоизма). Именно со столкновения с результатами собственного зла и с осознания собственной греховности и начинается преобразование души смешного человека, стремящегося для спасения чистой планеты подняться до высоты Христа и искупить грехи жертвой собственной жизнью ради других людей, а после пробуждения начинается его деятельное служение Богу, т.е. происходит покаяние героя и смирение его перед Божьей волей. Утверждение идеи преобразования именно в таком контексте доказывает, что Достоевский находился в поле православной русской культуры и отразил её ментальные особенности, так как, по мнению Д.В. Макарова, «понимание преобразования в христианстве антиномично. Светоносное и очищающее действие благодати неразделимо с покаянием и смирением преобразяющегося человека» [12, с. 17]. «Поэтому и понимание преобразования в русской духовной культуре тоже антиномично: движение к свету неотделимо от ощущения присутствия тьмы» [12, с. 22].

На примере преобразования главного героя писатель показывает эволюцию человеческой души: от эгоизма (гордыни, уныния, желания самоубийства) до альтруистической любви к людям и деятельного служения Богу, заключающегося в проповеди непреображённому человечеству возможности и необходимости мира без зла, для достижения которого необходимо, чтобы преобразился каждый человек, живущий на Земле. Таким образом, До-

стоевский подчёркивает, что только преобразование души каждого человека приведёт к преобразению мира, при этом утверждается и идея о том, что, даже если эгоизм преобладает у большинства людей и возможности преобразить мир кажутся ничтожными, преобразённый человек все-таки должен идти в мир тьмы и нести в него свет. Именно в этом писатель находит залог будущего преобразования земного мира и превращения его в рай.

ЛИТЕРАТУРА

- 1/ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
- 2/ Буданова Н.Ф. «Чтобы не умирала великая мысль» («Сон смешного человека») // Достоевский: материалы и исследования. 2016. Т. 21. С. 81–91.
- 3/ Донских О.А. Странный рай Достоевского (По мотивам «Сна смешного человека») // VOX. 2008. Вып. 4. С. 1–22. URL: <https://vox-journal.org/content/vox4don-skih.pdf> (дата обращения: 23.11.2023).
- 4/ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 511 с.
- 5/ Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. С. 104–119.
- 6/ Золотко О.В. Психология сна о «золотом веке» героя рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 1. С. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-1-107-120>
- 7/ Касаткина Т.А. «Сон смешного человека»: личность как рычаг преобразования мира // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 16–44. DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-16-44>
- 8/ Катасонов В.Н. Религиозные аспекты рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Достоевский и мировая культура / Альманах. М., 2013. № 30, часть I. С. 191–216.
- 9/ Кибальник С.А. Автоинтертекстуальность и научная интерпретация (на примере «фантастического рассказа» Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека») // Словесность и история. 2022. № 2. С. 81–100.
- 10/ Кибальник С.А. «Братья Карамазовы» и «Сон смешного человека» (к вопросу об автоинтертекстуальности у позднего Достоевского) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 62–70. DOI: <https://doi.org/10.31857/S241377150014008-1>
- 11/ Кибальник С.А. Мой «Анти-Бахтин» (к вопросу о научной интерпретации фантастического рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.31857/S160578800018924-2>
- 12/ Макаров Д.В. Идея преобразования в русской духовной культуре: Автореф. дис. ... докт. культурологии. М., 2009. 38 с.
- 13/ Маццола Е. Богословие Достоевского. О воплощенной Истине: опыт перевода фантастического рассказа // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 4 (8). С. 16–49. DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-16-49>
- 14/ Наставления Марка Подвижника о духовной жизни. 200 глав о духовном законе. 184 // Церковь Иоанна Богослова. URL: <https://omolenko.com/biblio/dobro1-mark.htm?p=3#book10> (дата обращения: 23.11.2023).
- 15/ Ревяков И.С. Инфернальное начало как структурообразующий принцип художественной действительности Ф.М. Достоевского (на материале рассказа «Сон смешного человека») // Культура в фокусе научных парадигм. 2021. № 12–13. С. 221–227.
- 16/ Склеинис Г.А. Нравственные и психологические истоки феномена самоубийства в понимании Ф.М. Достоевского // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2007. № 1 (131). С. 59–68.
- 17/ Степанян К.А. Идеал у Достоевского и Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 262–271. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.25>
- 18/ Сыромятников О.И. Православная сотериология в художественном творчестве Ф.М. Достоевского. На примере произведения «Сон смешного человека» // Богослов-

ский вестник. 2017. Т. 24–25. № 1–2. С. 414–434.

19/ Тарасова Н.А. Значение заглавной буквы в наборной рукописи рассказа «Сон смешного человека»: («Дневник писателя» Ф.М. Достоевского за 1877 год) // Русская литература. 2007. № 1. С. 153–165.

REFERENCES

1/ Bahtin, M.M. (1972), *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics], Hudozhestvennaia literatura, Moscow, 470 p. (In Russ.)

2/ Budanova, N.F. (2016), “May the great idea not die” (“The dream of a ridiculous man”), *Dostoevsky: materials and research*, Vol. 21, pp. 81–91. (In Russ.)

3/ Donskih, O.A. (2008), “Dostoevsky's strange paradise (based on “The dream of a ridiculous man”)”, *VOX*, Vol. 4, pp. 1–22. Available at: <https://vox-journal.org/content/vox4donskih.pdf> (Accessed: 23 November 2023). (In Russ.)

4/ Dostoevsky, F.M. (1976), “Brothers Karamazov”, *Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh* [Complete works in 30 volumes], Vol. 1, Nauka, Leningrad branch, Leningrad, 511 p. (In Russ.)

5/ Dostoevsky, F.M. (1983), “The dream of a ridiculous man”, *Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh* [Complete works in 30 volumes], Vol. 25, Nauka, Leningrad branch, Leningrad, pp. 104–119. (In Russ.)

6/ Zolot'ko, O.V. (2018), “The psychology of the dream about the “golden age” by the hero of Dostoevsky's story “The dream of a ridiculous man””, *Dostoevsky and world culture. Philological journal*, No. 1, pp. 107–120. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-1-107-120>

7/ Kasatkina, T.A. (2019), “The dream of a ridiculous man”: personality as the instrument of transfiguration of the world”, *Dostoevsky and world culture. Philological journal*, No. 2(6), pp. 16–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-2-16-44>

8/ Katasonov, V.N. (2013), “The religious aspects of F.M. Dostoevsky's story “The dream of a ridiculous man””, *Dostoevsky and world culture. Almanac*, Moscow, No. 30, Part. I, pp. 191–216. (In Russ.)

9/ Kibaľnik, S.A. (2022), “Auto-intertextuality and scientific interpretation (on the example of F.M. Dostoevsky's “fantastic story” “The dream of a ridiculous man””, *Slovesnost' i istorija* [Literature and history], No. 2, pp. 81–100. (In Russ.)

10/ Kibaľnik, S.A. (2021), “Brothers Karamazov” and “The dream of a ridiculous man” (on the issue of auto-intertextuality of the late Dostoevsky)”, *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*, vol. 80, No. 1, pp. 62–70. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S241377150014008-1>

11/ Kibaľnik, S.A. (2022), “My “Anti-Bakhtin” (on the is-

sue of interpretation of Dostoevsky's story “The dream of a ridiculous man”)”, *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language*, Vol. 81, No. 1, pp. 65–73. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S160578800018924-2>

12/ Makarov, D.V. (2009), *Ideja preobrazhenija v ruskoj duhovnoj kul'ture* [The idea of transformation in Russian spiritual culture. Extended abstract of doctor's thesis], Abstract of Doct. Sc. Thesis, Moscow, 38 p. (In Russ.)

13/ Maccola, E. (2019), “Dostoevsky's theology. An incarnated Truth: translating a fantastic story”, *Dostoevsky and world culture. Philological journal*, No. 4 (8), pp. 16–49. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2019-4-16-49>

14/ “The instructions of Mark Podvizhnik about the spiritual life. 200 chapters on the spiritual law. 184”, *Cerkov' Ioanna Bogoslova*, Available at: <https://omolenko.com/biblio/dobro1-mark.htm?p=3#book10> (Accessed 23 November 2023). (In Russ.)

15/ Revjakov, I.S. (2021), “The infernal principle as a structure-forming principle of F.M. Dostoevsky's artistic reality (based on the material of the story “The dream of a ridiculous man”)”, *Culture in the focus of scientific paradigms*, No. 12–13, pp. 221–227. (In Russ.)

16/ Sklejnis, G.A. (2007), “Moral and psychological sources of the suicide phenomenon in F.M. Dostoevsky's understanding”, *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 1 (131), pp. 59–68. (In Russ.)

17/ Stepanjan, K.A. (2015), “The ideal in Dostoevsky and Shakespeare”, *Knowledge. Understanding. Ability*, No. 4, pp. 262–271. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.25>

18/ Syromjatnikov, O.I. (2017), “Orthodox soteriology in the work by F.M. Dostoevsky. Using as an example the novella “The dream of a ridiculous man””, *The theological bulletin*, vol. 24–25, No. 1–2, pp. 414–434. (In Russ.)

19/ Tarasova, N.A. (2007), “The meaning of the capital letter in the typesetting manuscript of “The dream of a ridiculous man” (F.M. Dostoevsky's “A writer's diary”, 1877)”, *Russian literature*, No. 1, pp. 153–165. (In Russ.)

Сведения об авторе

Золотухина Олеся Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и истории искусств, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского
E-mail: zolotuhina-82@yandex.ru

Author information

Olesya Yu. Zolotuhina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Social Sciences and History of Arts, Dmitry Hovorostovsky Siberian State Academy of Arts
E-mail: zolotuhina-82@yandex.ru